

SPERO

**Социальная политика:
экспертиза, рекомендации, обзоры**

№ 5

Осень — Зима 2006

Редакционная коллегия

Главный редактор	Малева Татьяна Михайловна, к.э.н., директор Независимого института социальной политики
Зам. главного редактора	Синявская Оксана Вячеславовна, к.э.н., зам. директора НИСП, директор программы международного сотрудничества Независимого института социальной политики
Ответственный редактор	Добрякова Мария Сергеевна, к.соц.н., дирек- тор публикационной программы Независимого института социальной политики

ISSN 1818-6963

Издание осуществляется при финансовой поддержке
Фонда Дж. и К. Макартуров и Фонда Форда

Координаты редакции

Москва, Глинищевский переулок, д. 3

Тел.: (495) 786 6718

Факс: (495) 692 9651

Е-mail: spero@socpol.ru

Электронная версия: <http://spero.socpol.ru>

Редакционный совет журнала

Павлова-Сильванская Марина Павловна (председатель)	к.и.н., консультант журнала «Pro et Contra» Московского центра Карнеги
Аузан Александр Александрович	д.э.н., профессор, Президент Института Национального проекта «Общественный договор», Президент Ассоциации независимых центров экономического анализа
Васильев Сергей Александрович	д.э.н., представитель в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от правительства Ленинградской области, Председатель Комитета Совета Федерации по финансовым рынкам и денежному обращению, научный руководитель Международного центра социально-экономических исследований «Леонтьевский центр»
Вишневский Анатолий Григорьевич	д.э.н., действительный член РАЕН, руководитель Центра демографии и экологии человека ИНП РАН, главный редактор информационного бюллетеня «Население и общество», главный редактор электронного еженедельника «Демоскоп Weekly»
Малева Татьяна Михайловна	к.э.н., директор Независимого института социальной политики
Плискевич Наталья Михайловна	к.э.н., редактор отдела редакции журналов «Общественные науки и современность» и «Social Sciences», Президиум РАН
Полетаев Андрей Владимирович	д.э.н., профессор, заместитель директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ ВШЭ, заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений РАН
Ясина Ирина Евгеньевна	к.э.н., ведущий научный сотрудник Института экономики переходного периода, председатель Экспертного совета Клуба региональной журналистики

Содержание

Памяти Юрия Александровича Левады5

Методологические проблемы социальной политики

Г. Эспин-Андерсен. Снова на пути к хорошему обществу?7

В фокусе внимания: демография

С.В. Захаров. Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг.33

Т.М. Малева, О.В. Синявская. Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике.....70

Я.М. Рощина. Моделирование факторов склонности семьи к рождению ребенка в России98

М. Ронсен. Рождаемость и семейная политика в Норвегии: размышления о тенденциях и возможных связях.....134

С.В. Рязанцев, Е.Е. Письменная. Роль международной миграции в Россию в демографическом и социально-экономическом развитии страны151

Экспертное мнение

Т.Л. Клячко. Социально-экономическое развитие российской системы образования в 2000—2005 гг.170

Новое в методах

А.И. Пишняк. Исследование стилей жизни: психографический метод в социологических исследованиях202

Книжное обозрение: эконом-географы о социальных проблемах

Н.В. Зубаревич. Рецензии на книги: Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: географические очерки (2003); Нефедова Т., Пеллот Д. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? (2006).....215

Социальное законодательство

Левина М.И. Обзор социального законодательства: весна — осень 2006 г.....219

Общественное мнение

Косова Л.Б., Белецкая А.В. Динамика представлений о семейных ролях: вторичный анализ данных ISSP (International Social Survey Programme)232

Сведения об авторах.....239

Аннотации к статьям.....240

Summaries244

Рождаемость и семейная политика в Норвегии: размышления о тенденциях и возможных связях²

1. Рождаемость — вопрос премьер-министров?

Традиционное новогоднее поздравление бывшего премьер-министра Норвегии Йенса Стольтенберга в 2001 г., возможно, удивило некоторых телезрителей. Вместо того чтобы как обычно начать свою речь со слов о развитии экономики, он поздравил норвежских родителей и особенно матерей с тем, что за прошедший год у них родилось так много детей. Он подчеркнул, что ни в одной другой западной стране женщины не рожают столько детей. При этом норвежские женщины получают образование, выходят на рынок труда также гораздо чаще, чем в большинстве других стран. По мнению г-на Стольтенберга, этот высокий уровень рождаемости свидетельствует об оптимизме граждан в отношении будущего, а также о «качестве» норвежского общества. Премьер-министр не пояснил, что понимается под «качеством», однако упомянул, что норвежским женщинам весьма успешно удастся сочетать воспитание детей и оплачиваемый труд, — вероятно, под «качественным» имея в виду общество, помогающее реализовывать две эти стратегии.

В данной работе анализируется возможная связь между рождаемостью и семейной политикой в Норвегии. Начнем со сравнительного анализа норвежских тенденций в сфере рождаемости: прежде всего относительно других скандинавских стран, однако будут упомянуты и две страны с низким уровнем рождаемости из европейского и азиатского регионов — Испания и Япония. Затем мы попытаемся объяснить сложившиеся норвежские тенденции в сфере рождаемости и для этого обратимся к анализу отдельных компонентов рождаемости. Наконец, вкратце будет обрисована семейная политика в Норвегии и более подробно освещена проблема возможного влияния семейной политики.

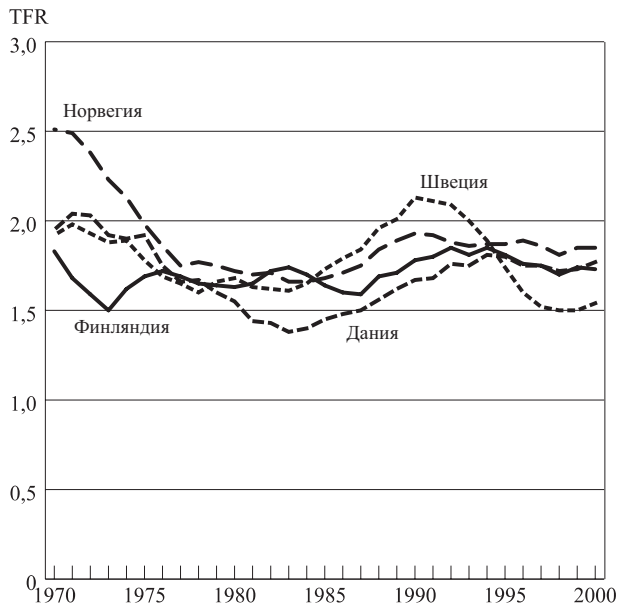
2. Противоположные тенденции в сфере рождаемости

Как и многие другие страны, после Второй мировой войны Норвегия пережила «бэби-бум». Однако этот всплеск продолжался здесь дольше, чем в большинстве других стран, и в начале 1970-х гг. коэффициент суммарной рождаемости в Норвегии по-прежнему составлял 2,5. В других же

¹ Division for Social and Demographic Research, Statistics Norway, P.O. Box 8131 Dep, N-0033. Oslo, Norway. Tel: +4721094475. Fax: +4721090040. E-mail: Marit.Ronsen@ssb.no

² *Источник: Rø nsen M. Fertility and Family Policy in Norway — A Reflection on Trends and Possible connections // Demographic Research. Vol. 10. Article 10. Пер. с англ. М.С. Добряковой. <http://www.demographic-research.org/volumes/vol10/10/> [свободный доступ к ресурсу]. © 2004 Max-Planck-Gesellschaft. Перевод публикуется при любезном согласии правообладателя. Мы благодарим С.В. Захарова за комментарии к переводу.*

Коэффициент суммарной рождаемости в скандинавских странах, 1970—2000 гг., рождений на одну женщину в течение жизни

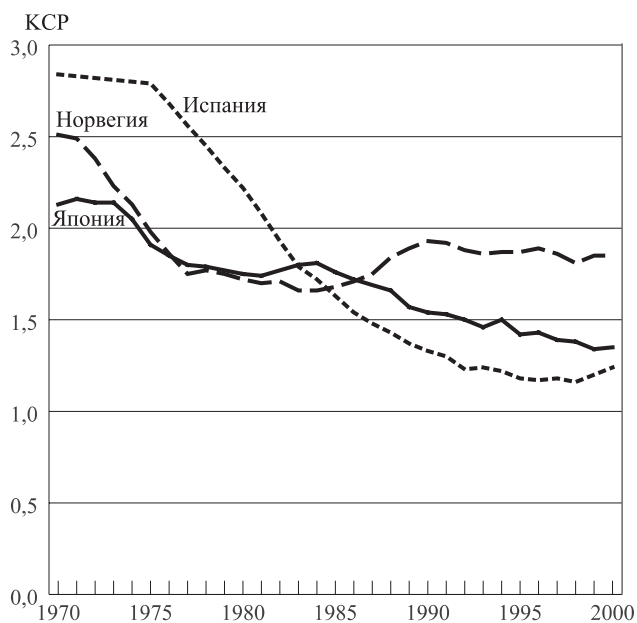
Источник: Recent demographic developments in Europe 2001, Council of Europe.

скандинавских странах (за исключением Исландии) он уже упал до менее 2 детей на одну женщину (рис. 1).

Почти на всем протяжении 1970-х гг. уровень рождаемости снижался во всех скандинавских странах за исключением Финляндии, где наблюдался некоторый рост в середине 1970-х гг. В начале 1980-х коэффициент рождаемости в Норвегии и Швеции стабилизировался на уровне 1,6—1,7, упав в 1983 г. до беспрецедентно низких для этих стран показателей — 1,66 и 1,61 соответственно. В Дании спад рождаемости продолжился и в начале 1980-х гг., зарегистрировав самый низкий в ее истории коэффициент — около 1,4 — также в 1983 г. В отличие от других скандинавских стран, в Финляндии наблюдался краткий период роста рождаемости в начале 1980-х гг., за которым последовал временный спад в 1986—1987 гг. (около 1,6 в расчете на одну женщину).

Начавшийся примерно с середины 1980-х гг. рост рождаемости во всех скандинавских странах привлек внимание исследователей и политиков и из других регионов. Причина — конечно же, в том, что данная модель резко противоречит опыту большинства других европейских стран, где рождаемость продолжала падать до беспрецедентно низких уровней. Этот спад был особенно заметен в странах Южной и Восточной Европы. В качестве примера сопоставим Норвегию и Испанию (см. рис. 2). Как и в Норвегии, в Испании в 1970-е гг. уровень рождаемости падал, правда, поначалу менее стремительно. Однако, в отличие от Норвегии, спад здесь не прекратился к началу 1980-х, а продолжился вплоть до 1990-х гг.: в 1995 г. коэффициент рождаемости составил 1,2 ребенка на одну женщину. Столь недопустимо низкий (по мнению большинства аналитиков) уровень рождаемости наблюдался не только в Испании, но и в ряде других европейских стран: Италии, Болгарии, Чешской республике, Словении, странах бывшего СССР (Грузии, Украине, Российской Федерации, Эстонии

Коэффициент суммарной рождаемости: Норвегия, Испания, Япония, 1970—2000 гг., рождений на одну женщину в течение жизни

Источник: Recent fertility rate. Norway, Spain and Japan. 1970—2000.

и Латвии). Похожая тенденция имела место и в Японии (также см. рис. 2). Как и в других странах, коэффициент рождаемости в Японии более или менее равномерно падал с начала 1970-х гг. — от более 2 до менее 1,4 (в 2000 г. он зарегистрирован на отметке 1,35). Таким образом, нынешний низкий уровень рождаемости в Японии не слишком отличается от ситуации в европейских странах.

На этом фоне интересен вопрос о том, почему же скандинавская модель оказалась иной и что мы можем почерпнуть из анализа этих различий. К сожалению, на данный вопрос нет простого ответа, но в качестве одного из вариантов часто указывают на относительно щедрую семейную политику в Скандинавии, включающую продолжительный оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком, а также развитую (хотя и до сих пор не вполне достаточно) сеть субсидируемых государством дошкольных учреждений. Данные меры определенно снижают издержки, связанные с рождением ребенка, и, следовательно, могут поощрять женщин к рождению детей. Поэтому неудивительно, что гипотеза о положительном воздействии государственной политики на рождаемость вновь вызвала интерес. Чуть ниже мы вернемся к этому вопросу, однако прежде давайте рассмотрим последние тенденции в сфере рождаемости на примере страны с высоким уровнем рождаемости — мы будем говорить о Норвегии.

3. За рамками норвежских тенденций

3.1. Отложенное деторождение

Поколения женщин, родившиеся после Второй мировой войны, попали в структуру возможностей, во многих отношениях отличающуюся от той, что была доступна предыдущим поколениям. Развитие контрацепции, упростившиеся возможности аборт позволили женщинам более свободно выбирать,

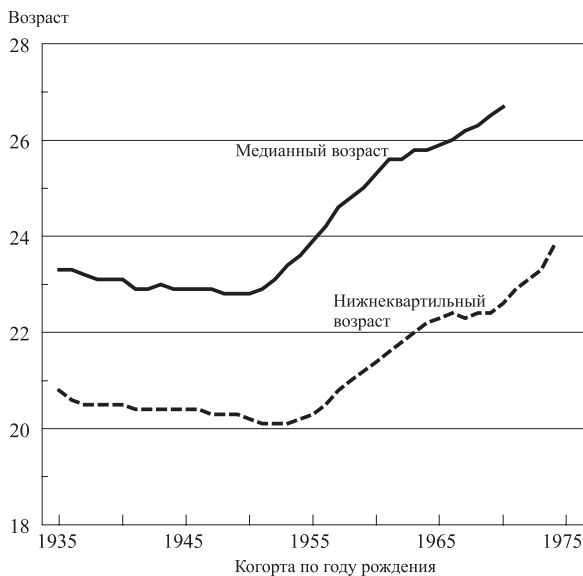
когда рожать ребенка и сколько детей иметь. В то же время повышение уровня образования и расширенный выход на рынок труда значительно увеличили экономическую независимость женщин. Наряду с этим возрастало гендерное равенство, получали распространение новые формы организации семьи, особенно совместное проживание без регистрации брака.

Все эти факторы влекли за собой задержку деторождения, которую мы наблюдали в Норвегии в прошедшие десятилетия. Среди всех женщин, родившихся после 1935 г., родившиеся около 1950 г. своего первого ребенка произвели на свет в самом молодом возрасте (рис. 3). Половина из них стали матерями в 22,8 лет, при этом медианный возраст женщины, родившей первого ребенка, среди более младших возрастных когорт постепенно увеличивался и для женщин, родившихся в 1970 г., составил 26,7 лет. Нижний квартиль возрастного распределения первородящих (возраст, к которому 25% женщин становятся матерями) также увеличился: с 20,2 лет для женщин, родившихся в 1950 г., до 22,6 лет для женщин, родившихся в 1970 г. Свежие данные показывают, что тенденция к отложенному деторождению сохраняется: нижний квартиль для когорты 1974 г.р. составил 23,8 лет.

Откладывание рождения первого ребенка более распространено в определенных группах, и важным водоразделом здесь выступает уровень образования. Даже если откладывание материнства наблюдается во всех образовательных группах (см. рис. 4), лидируют по этому показателю все-таки наиболее образованные женщины: среди них данная тенденция прослеживается уже с когорты 1945 г.р. В наименее образованной группе постарение материнства не наблюдалось гораздо дольше — вплоть до когорт, родившихся в середине 1950-х гг. Образовательные различия между поколениями проявляются в возрасте, когда у женщины появляется первый ребенок. Среди женщин 1950 г.р. медианный возраст рождения первого ребенка составил 20,6 лет в наименее

Рис. 3

Медианный и нижнеквартильный возраст рождения первого ребенка: норвежские женщины, родившиеся в 1935—1974 гг.

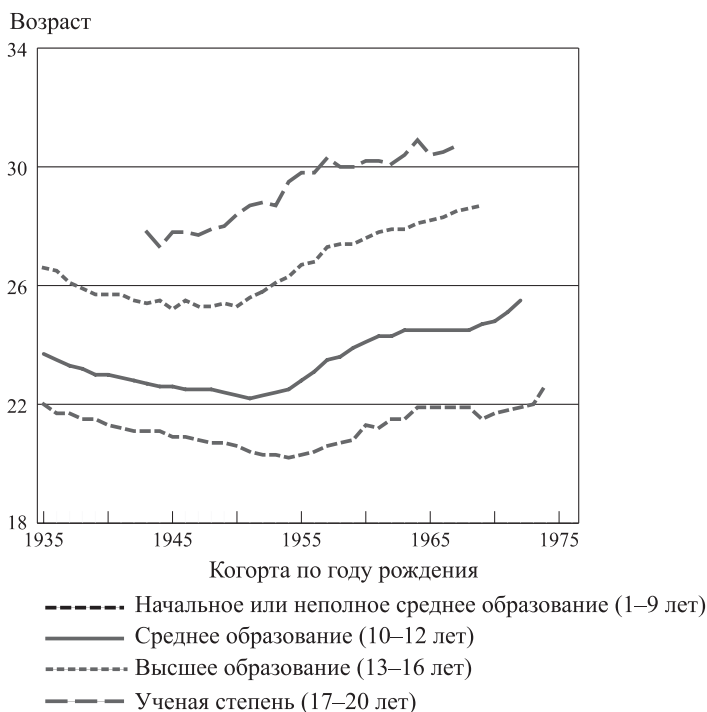
Источник: Population Statistics System, Statistics Norway.

образованной группе и 28,4 года в наиболее образованной группе; а уже в когорте 1967 г.р. — соответственно 21,9 и 30,7 лет. Так, разница между наиболее и наименее образованными группами увеличилась на целый год — от 7,8 лет для когорты 1950 г.р. до 8,8 лет для когорты 1967 года рождения.

Повышение образовательного уровня в послевоенных поколениях явным образом повлияло на увеличение возраста матери при рождении первого ребенка³. Примерно за одно поколение (от когорт, родившихся в середине 1930-х гг., до когорт, родившихся в середине 1960-х гг.) доля лиц, имеющих только начальное или начальное среднее образование, сократилась с более чем 40% до менее 10%, при этом пропорционально увеличилась доля лиц с высшим образованием (см. табл. 1). Более всего выросла численность групп с неоконченным и полным высшим образованием, однако доля женщин с полным высшим образованием (более четырех лет обучения в вузе) по-прежнему невелика — всего лишь 5% женщин, родившихся в 1965 г.

Рис. 4

Медианный возраст первого рождения, по уровню образования. Норвежские женщины, родившиеся в 1935–1974 гг.

Источник: Population Statistics System and Educational Statistics Systems, Statistics Norway.

³ Однако причинно-следственная связь между образованием и началом деторождения не так очевидна, как можно предположить на основе имеющихся статистических данных о завершеном образовании. Например, менее образованные женщины могли родить первого ребенка рано, потому что они рано завершили свое образование, однако раннее начало деторождения в этой группе могло также оказаться препятствием для продолжения образования. Так что связь работает в двух направлениях. Чтобы по-настоящему разобраться в этом вопросе, необходимо смоделировать динамику рождаемости при помощи многофакторного анализа, включив в него полные жизненные истории рождаемости и образования (а их весьма сложно получить). Подробное обсуждение этого и сопряженных вопросов см. в работе: [Kravdal 2004].

Таблица 1. **Наивысший уровень полученного образования среди женщин, родившихся в 1935—1965 гг.**

Когорта по году рождения	Доля (%) закончивших образование на уровне:			
	Начальное или неоконченное среднее (1—9 лет)	Законченное среднее (10—12 лет)	Университет, неоконченное высшее (13—16 лет)	Университет, полное высшее (17—20 лет)
1935	44,1	43,6	11,1	1,2
1940	34,2	48,4	15,7	1,7
1945	25,2	53,3	19,2	2,3
1950	19,7	54,4	23,0	2,9
1955	14,7	55,2	26,9	3,2
1960	10,2	58,7	27,1	4,0
1965	7,5	59,3	28,2	5,0

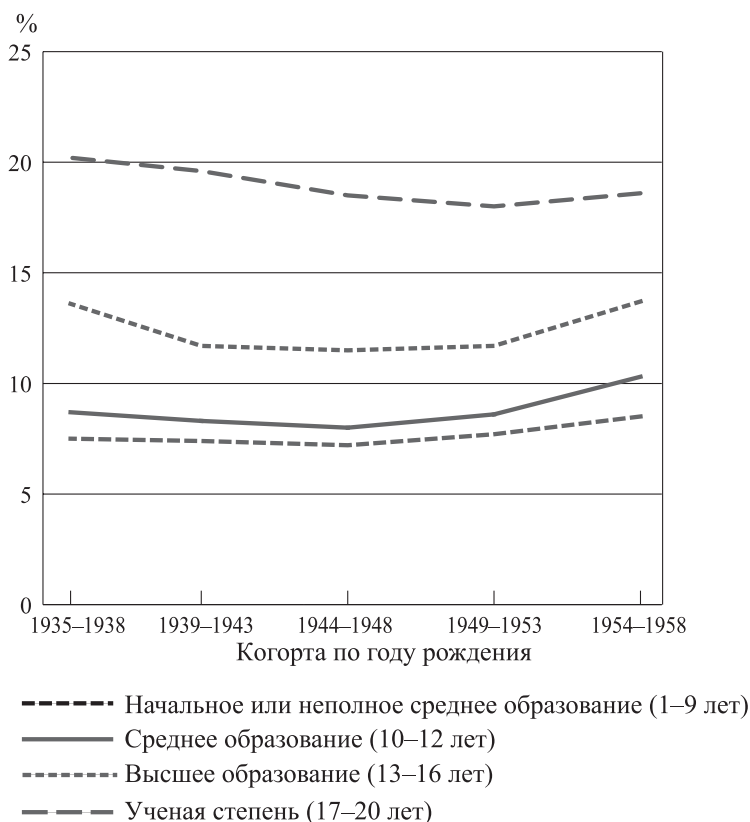
Источник: Educational Statistics System, Statistics Norway.

3.2. Все больше бездетных?

Когда женщины все дальше откладывают рождение ребенка, возникает закономерный вопрос: а не ведет ли это к увеличению числа бездетных женщин? Рассмотрим ситуацию с когортами норвежских женщин. Тенденцию откладывать рождение ребенка начали женщины, родившиеся в начале 1950-х гг., из них остались бездетными порядка 10%, что очень мало по международным меркам. Относительно более молодых когорт, все еще находящихся в детородном возрасте, еще слишком рано делать окончательные выводы. Тем не менее доля женщин, в 40 лет не имеющих ребенка, увеличилась с 9,8% в когорте 1950 г.р. до 12,6% в когорте 1960 г.р. (см. табл. 2), в то время как для 35-летних эта доля составила 11,6% в когорте 1950 г.р. и 16,5% в когорте 1963 г.р. [Larpegård 2000]. Даже если более молодые когорты отчасти заполнят разрыв в рождаемости по сравнению с более старшими когортами, маловероятно, что доля бездетных среди них останется на уровне 10%, как в случае последних. Пока что имеющиеся данные указывают на некоторый рост числа бездетных женщин.

Доля бездетных женщин заметно увеличивается с повышением уровня образования (см. рис. 5). Среди женщин 1954—1958 г.р. не имели ребенка в 40-летнем возрасте 19% женщин из наиболее образованной группы и 9% — из наименее образованной. Любопытно, однако, проследить противоречивые тенденции в разных когортах. Единственной группой, в которой доля бездетных в когортах второй половины 1950-х гг. не увеличивалась до уровня когорт 1930-х г.р., является наиболее образованная группа; в других образовательных группах наблюдается увеличение бездетности. Таким образом, можно говорить о сближении трендов бездетности среди разных образовательных групп в более молодых когортах. Это может объясняться и более вескими причинами, однако часто дается следующая интерпретация: внедряемая с конца 1980-х гг. семейная политика все более помогала женщинам, не намеренным покинуть рынок труда, сочетать воспитание детей и оплачиваемую занятость. Кроме того, женщины с университетским дипломом высшей ступени составляют лишь крайне

Процент бездетных по уровню образования. Норвежские женщины, родившиеся в 1935—1958 гг.

Источник: Population Statistics System and educational Statistics Systems, Statistics Norway.

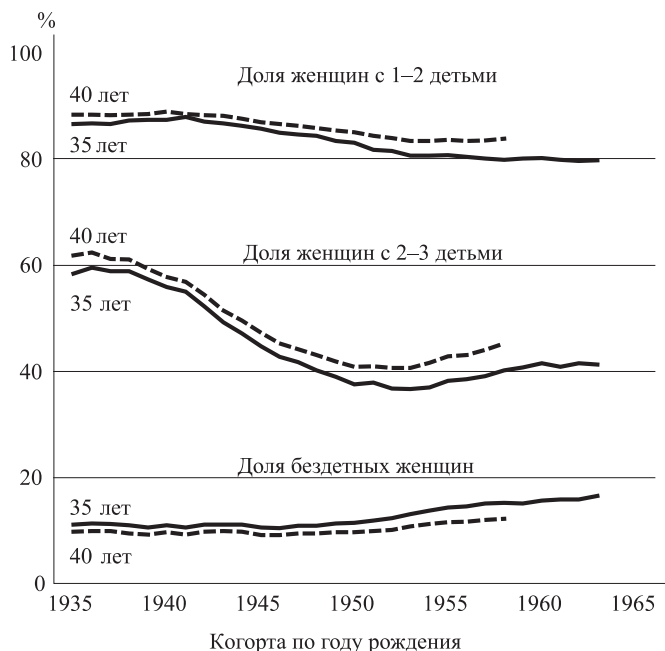
незначительную долю в старших возрастных когортах, но по мере увеличения численности женщин с высшим образованием эта доля также возрастает. Поэтому и осуществляемый ими выбор — рожать или не рожать ребенка — мог стать более похожим на такой же выбор в других группах женщин.

3.3. Рост вариаций в числе детей

Для норвежских матерей с одним ребенком по-прежнему очень характерно рожать еще одного ребенка (так поступают примерно 80%, см. рис. 6). Эта доля оставалась довольно стабильной среди всех когорт начиная с 1950-х г.р., а в когортах, родившихся перед войной и сразу после нее, была еще выше — 90%. Доля матерей с двумя детьми, решающихся родить еще одного ребенка, сократилась более резко: с примерно 60% в довоенных когортах до порядка 40% в когортах, родившихся в начале 1950-х гг. В более молодых когортах наблюдается тенденция к увеличению доли матерей с двумя детьми, рожаящих третьего ребенка. Например, для 35-летних эта доля составила 37% для матерей 1953 г.р., по сравнению с 41% для матерей, родившихся на 10 лет позднее — в 1963 г.

Среди когорт, родившихся до войны, почти половина женщин имела по меньшей мере троих детей к 40 годам (табл. 2). Эта доля резко сокра-

Доля бездетных и доля родивших второго и третьего ребенка к возрасту 35 и 40 лет среди родивших на одного ребенка меньше. Норвежские женщины, родившиеся в 1935–1963 г.

Источник: Population Statistics System, Statistics Norway.

тилась для послевоенных когорт, а для женщин, родившихся после 1950 г., стабилизировалась примерно на уровне 30%. Сокращение доли женщин с двумя детьми, увеличение доли однопородных и бездетных — все это указывает на рост вариаций в числе детей в более молодых когортах.

Таблица 2. Число детей в семье и среднее число детей у 40-летних женщин, когорты 1935–1960 г.р.

Когорта по году рождения	Число детей в семье, %					Среднее число детей
	0	1	2	3	4+	
1935	9,7	10,4	30,4	27,5	21,9	2,41
1940	9,6	10,1	33,9	29,1	17,3	2,34
1945	9,3	11,8	41,5	26,3	11,0	2,18
1950	9,8	13,4	45,5	23,4	8,0	2,06
1955	11,7	14,6	42,1	23,9	7,7	2,02
1960	12,6	14,1	39,2	22,5	8,6	2,03

Источник: Population Statistics System, Statistics Norway.

Среднее число детей у 40-летних женщин резко сократилось в когортах, родившихся до 1950 г.: с 2,41 в когорте 1935 г.р. до 2,06 в когорте 1950 г.р., и стабилизировалось на уровне 2,02–2,03 в более молодых когортах. По прогнозам, построенным на последних данных, все когорты,

родившиеся до 1960 г., достигнут уровня рождаемости по крайней мере в 2,05 ребенка на одну женщину [Sørlie 2000]. Поэтому, несмотря на устойчивую тенденцию отложенного деторождения, более молодые когорты норвежских женщин не отстают по рождаемости от когорт, родившихся на 5–10 лет раньше.

3.4. Сокращение образовательных различий

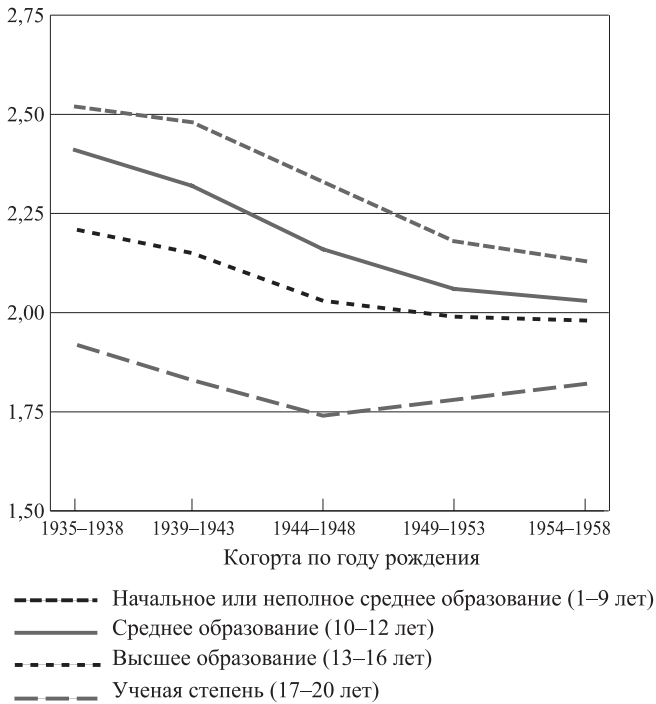
Мы показали, что образование является важным фактором, определяющим как возраст материнства («тайминг»), так и долю женщин, остающихся бездетными. Неудивительно, что оно влияет и на общее число детей у женщины. Женщины с более низким уровнем образования имеют больше детей, чем женщины с высоким уровнем образования, однако различия не так велики, как можно было бы ожидать исходя из огромных различий в тайминге первого рождения. Женщины с высшим образованием отчасти восполняют разрыв в рождаемости, просто делают это в более поздней точке своего детородного периода, по сравнению с менее образованными женщинами. Помимо этого, различия в общем числе детей у 40-летних женщин с разным уровнем образования более высоки в старших когортах (см. рис. 7). Сокращение различий в основном является результатом уменьшения числа детей в наименее образованной группе. В сущности, в группе женщин с университетским дипломом, родившихся после Второй мировой войны, среднее число детей растет. Более детальное изучение числа детей в семье показывает, что данная картина отражает уменьшение доли однопородных матерей и, напротив, увеличение матерей с двумя, и особенно тремя детьми [Lå ppegerd 1999].

Вероятность рождения третьего ребенка увеличилась во всех образовательных группах, в том числе и в возрастных когортах, родившихся после 1950 г. Это означает тенденцию к более пропорциональной представленности женщин с различным уровнем образования в группе женщин с тремя детьми. На положительное влияние образования на вероятность рождения третьего ребенка в Норвегии впервые обратил внимание О. Кравдал в своей работе, использующей данные вплоть до 1989 г. [Kravdal 1992], причем это влияние сохраняется, даже если мы контролируем прочие факторы рождаемости⁴.

Позднее схожие результаты были получены на шведских данных, как для второго, так и для третьего ребенка [см., например: Hoen 1990; Oláh 1996; Berinde 1999], подтвердились они и в отношении вероятности рождения второго ребенка в Норвегии [Rø nsen 2004]. Как предположил Л. Ола, это может означать, что масштабные программы семейной политики в скандинавских странах помогли сократить издержки, связанные с рождением ребенка, для образованных женщин.

⁴ Позднее, на основе данных норвежской переписи, Кравдал выявил положительное влияние уровня образования на вероятность рождения также и второго ребенка — если анализировать вероятность каждого ребенка отдельно [Kravdal 2001]. Однако же, если включить вероятность появления первого, второго и третьего детей в одну модель и контролировать при этом ненаблюдаемые различия, возникает негативное воздействие уровня образования. Оно не столь выражено для женщин, родившихся в 1950-е гг., чем для более старших когорт. Среди более молодых когорт различия во влиянии уровня образования на рождаемость довольно незаметны, что в значительной степени объясняется более высокой долей бездетных в группе хорошо образованных женщин.

Среднее число детей у 40-летней женщины, в зависимости от ее уровня образования. Норвежские женщины 1930—1958 г.р.

Источник: Population Statistics System and Educational Statistics System, Statistics Norway.

В последних норвежских исследованиях рождаемости внимание обращалось не только на *уровень* образования, но и на его *профиль*. Получен интересный результат: профиль образования может выступать даже более сильным фактором рождаемости, чем уровень образования. Например, в отношении Норвегии Т. Лаппегард обнаружила, что доля бездетных женщин почти так же невелика среди медсестер и учителей с университетским образованием, как и среди женщин, закончивших только среднюю школу; при этом выполняется тенденция: женщины первой группы, родившие одного ребенка, будут в 40 лет иметь больше детей, чем женщины второй группы. Аналогичная тенденция наблюдается и в Швеции [см., например: Ноем 1994; Stanfors, Svensson 1999]. Причина относительно высокого уровня рождаемости среди медсестер и учителей, возможно, связана с тем, что данная группа ориентирована одновременно на семью и работу, имеет сильные установки в обоих направлениях. Развитый государственный сектор со множеством рабочих мест и возможностями гибкой занятости мог подтолкнуть к реализации двойственных стратегий, обусловленных такими установками [Ellingsæter, Rønse 1996]. Другая, связанная с этим причина заключается в том, что работники в данных секторах немного теряют от прерыва в работе с точки зрения возможностей будущей карьеры и потенциального уровня зарплаток, прежде всего в силу высокой представленности здесь женщин и относительно равномерных доходов на протяжении всей трудовой деятельности.

4. Семейная политика

4.1. Контекст Норвегии

Норвежское государство благосостояния имеет длительную традицию масштабной социальной политики, ориентированной на семью. Однако эта политика была вызвана не столько стремлением к повышению рождаемости, сколько идеологией гендерного равенства и заботой об общем благополучии детей и их семей. Несомненно, в числе программ, наиболее сокращающих издержки, связанные с рождением ребенка, — законодательно закрепленная, рассчитанная на всеобщий охват программа отпусков по уходу за ребенком, а также расширенная государственная поддержка детских садов.

В Норвегии всеобщее право на оплачиваемый отпуск по рождению ребенка гарантируется Национальным актом страхования, принятым в 1956 г. Чтобы получать данное пособие, мать должна работать по крайней мере 6 из 10 месяцев, предшествующих рождению ребенка. Женщины, не удовлетворяющие этим требованиям, получают единовременную помощь в размере (по состоянию на 2002 г.) 32 138 норвежских крон (примерно 3900 евро). Первоначально период получения пособия составлял лишь 12 недель, и размер компенсации был невелик. Ситуация не менялась до 1977 г., когда период получения пособия был увеличен до 18 недель, при этом отцы также получили право находиться в таком отпуске почти весь его период. Одновременно период гарантированного сохранения рабочего места (такая гарантия всегда давалась в случае отпуска по уходу за ребенком) был увеличен до одного года, т.е. родители могли брать дополнительный, уже неоплачиваемый отпуск, не боясь потерять работу. Еще через год размер компенсации был существенно увеличен и стал покрывать 100% заработка для большинства матерей, имевших работу перед рождением ребенка. Затем, спустя еще почти десятилетие, период отпуска был еще увеличен и с 1987 г. увеличивался несколько раз, в 1993 г. достигнув следующих вариантов: 52 недели с 80%-й компенсацией зарплаты или 42 недели с полной компенсацией. Такая схема остается и в настоящее время (по состоянию на 2004 г.).

Отцы могут также брать отпуск на весь этот период, за исключением 3 недель перед рождением и 6 недель после рождения ребенка, которые предоставляются только матери. Отцы также могут получить 2 недели неоплачиваемого отпуска сразу после рождения ребенка. Обычно отцы используют именно эту возможность, и лишь очень немногие затем находятся в отпуске весь период вместе с матерью ребенка. Чтобы побудить обоих родителей к участию в уходе за ребенком, в 1993 г. была введена поправка, резервирующая 4 недели «длинной» части отпуска для отцов — так называемая «квота для пап». Обычно эти недели нельзя передать матери, они просто вычитаются из общей продолжительности отпуска, если отец ими не воспользуется. Так что для отцов существует сильный стимул взять такой отпуск, и, как показывает опыт, реформа оказалась успешной. В 1996 г., спустя 3 года после ее введения, почти 80%, имевших право на такой отпуск, воспользовались «квотой для пап»; более того, доля отцов, находящихся в «длинном» отпуске вместе с матерью, увеличилась с 4 до 12% [Brandth, Jensberg 1998].

В августе 1998 г. были введены денежные выплаты родителям, которые не пользуются услугами субсидируемых государством детских садов, а с

января 1999 г. эта программа стала охватывать всех детей 1—2 лет. Пособие выплачивается ежемесячно, не облагается налогом, ставка фиксированная и на момент введения примерно равнялась государственной помощи на оплату места в детском саду. В настоящее время (2004 г.) месячное пособие составляет 3657 норвежских крон (примерно 450 долл.). Чтобы иметь право на получение пособия в полном размере, ребенок не должен полный день (более 32 часов в неделю) находиться в государственном детском саду. Родители детей, отдающие детей в государственный детский сад на более короткое время, могут получать пособие в уменьшенном размере [подробнее см.: Rønsen 2001]. Новая схема оказалась очень популярна: большинство родителей детей 1-2 лет обращаются за данным пособием. Весной 1999 г., примерно 4 месяца спустя после окончательного введения данной схемы, 75% родителей детей в возрасте 1—2 года получали это пособие [Reppen, Rønning 1999], с тех пор их доля остается более или менее постоянной. Однако лишь 5% получателей — отцы.

Детские сады, субсидируемые государством, быстро распространились в 1980-е и 1990-е гг. и к 2002 г. стали охватывать 56% детей дошкольного возраста [Statistics Norway 2003]⁵. Если из этой доли вычесть детей, о которых заботятся родители, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком (т.е. 0—12 месяцев), то охват составит 66%. Поскольку посещаемость детского сада увеличивается с возрастом ребенка, охват 3—5-летних детей детскими садами гораздо выше, чем 1—2-летних: 83% против 41% в 2002 г. Собственниками и управляющими детских садов могут быть государственные или частные предприятия. Однако получение субсидии возможно для обеих форм собственности — главное, чтобы детский сад имел одобрение государства. Субсидия представляет собой взнос в бюджет детского сада в расчете на число посещающих его детей. Размер субсидии увеличивается в зависимости от количества часов пребывания детей в саду и выше для детей 0—2 лет, чем для других детей дошкольного возраста. Многие частные детские сады также получают субсидии на уровне муниципалитета.

Основной принцип финансирования детских садов заключается в том, что затраты должны быть распределены между государством, муниципалитетами и родителями [Ministry of Children and Family Affairs 1988]. Планировалось, что государство будет покрывать 40% затрат, а оставшиеся 60% будут поделены поровну между родителями и муниципалитетами. Однако в связи со стремительным распространением частных детских садов средний вклад муниципалитетов оказался ниже, а средний вклад родителей — выше. Например, в 1994 г. родители оплачивали 44,5% затрат на содержание ребенка в частном детском саду и 28,8% — в государственном саду [Ministry of Children and Family Affairs 1996]. На государственном уровне размер родительского вклада не регулируется. Субъект местного самоуправления, т.е. муниципалитет или частное предприятие, может назначать цены самостоятельно. Примерно в половине государственных детских садов размер оплаты для родителей зависит от их доходов, в то время как в частных детских садах обычно используется фиксированная ставка, не зависящая от уровня доходов родителей. Однако и в государственных, и в частных детских садах обычно предлагается скидка, если родители приводят в сад более одного ребенка. Отсюда возникают

⁵ Уровень охвата определяется как доля детей дошкольного возраста, имеющих место в субсидируемом государством детском саду.

существенные вариации в размере оплаты детского сада родителями. В 1998 г. средняя сумма, выплачиваемая родителями за посещение детьми детского сада, — полный день, в больших городах и пригородах — составила порядка 3500 норвежских крон (примерно 430 евро) в месяц в частных детских садах и чуть меньше — в государственных [Statistics Norway 1998].

До 1990-х гг. норвежская политика в отношении отпуска по уходу за ребенком, а также в отношении детских садов отставала от аналогичной политики в других скандинавских странах. Впереди всех здесь была Швеция: продолжительность отпуска по уходу за ребенком здесь составляла один год уже в 1980 г., а в 1989 г. она была увеличена до 15 месяцев. Шведская программа также была более гибкой: предоставлялись возможности комбинировать отпуск и неполную занятость, а также разбивать отпуск на несколько частей до того, как ребенку исполнится 8 лет [подробнее см.: Rønsen, Sundström 2002]. Помимо этого, шведская программа имеет одну уникальную особенность, побуждающую сокращать время между рожденьями детей, — так называемые «премиальные за скорость» [Ноем 1993]. В соответствии с этим положением мать имеет право получать пособие в том же размере, как и в случае с предыдущим ребенком, если она родит следующего ребенка в течение 30 месяцев (до 1986 г. — 24 месяцев), даже если она не вернется на работу между рожденьями детей.

4.2. Влияет ли политика на рождаемость?

Не удивительно, что наблюдаемый в скандинавских странах на протяжении 1980—1990-х гг. рост рождаемости вновь вызвал интерес к вопросу о том, может ли щедрая семейная политика стимулировать рождаемость, и подтолкнул к новым исследованиям в данной области. Принципиальным моментом здесь является вопрос, как же измерить это влияние. Конечно, в самом грубом приближении можно делать выводы на основе сопоставлений между странами: сравнивать уровни и тренды рождаемости, используя агрегированную статистику. Такой подход может дать общее представление о возможном влиянии, однако, очевидно, имеет множество недостатков, поскольку одновременно могут действовать и другие факторы, сопряженные с теми, что были включены в наш анализ. Например, и рождаемость, и расширение семейной политики могут быть связаны с ростом и спадом экономики. Чтобы контролировать смещения, вызванное другими факторами, можно прибегнуть к анализу временных рядов, используя методики многофакторного анализа. Такой подход применили А. Готье и Й. Хатциус для анализа общего уровня рождаемости в 1970—1990 гг. на основе агрегированных данных для 22 индустриально развитых стран, используя модель, которая помимо традиционных детерминант рождаемости включала параметры материнского отпуска по уходу за ребенком (продолжительность и отношение пособия к заработку) и детского пособия [Gauthier, Hatzius 1997]. Полученные ими результаты позволяют предположить, что уровень рождаемости напрямую связан с размером детского пособия; с параметрами же отпуска значимой связи не обнаружено.

Как и всегда с агрегированными данными, остается проблема с тем, что сумма индивидуальных поведений вовсе не обязательно является отражением среднего индивидуального поведения. Поэтому данные на уровне отдельных индивидов могут оказаться более подходящими для анализа

возможного влияния семейной политики. К сожалению, таких данных очень мало. Однако в последнее время появился хороший источник: обследования семьи и рождаемости [Family and Fertility Surveys], которые проводятся в 20 странах начиная с конца 1980-х гг. В материалах, основанных на данных шведского и норвежского обследований, авторы анализируют роль государственной политики, и их результаты, судя по всему, указывают на наличие такого влияния. Наиболее выражен, видимо, эффект «премиальных за скорость» в Швеции (см. выше), которые, как и ожидалось, побуждают матерей рожать второго и третьего ребенка скорее [см. также: Oláh 1996; Berinde 1999]. Это подтверждает выводы, к которым пришли Б. Хоэм и Г. Андерсон на основе специальной разработки индивидуальных данных регистра населения [Hoem 1993; Andersson 1999]. Еще один интересный результат получен на материалах шведских обследований: женщины с большей вероятностью пойдут на рождение второго ребенка, если отец брал отпуск по уходу за первым ребенком, что позволяет предположить, что меры, стимулирующие активное участие отца в воспитании ребенка, могут способствовать повышению рождаемости [Oláh 1996].

Наблюдения на основе норвежских данных на уровне индивида показывают, что, возможно, имеется некоторое положительное влияние увеличения числа детских садов на рождение третьего ребенка, однако это влияние наиболее заметно на уровне недорогих детских садов [Kravdal 1996]. Интересно, что самая заметная реакция на распространение детских садов последовала от хорошо образованных женщин. Кроме того, сравнивая Финляндию и Норвегию, также находит некоторые подтверждения в пользу гипотезы о том, что расширение возможностей, связанных с отпуском по уходу за ребенком, может стимулировать рождаемость [Rønsen 2004]. Это влияние наиболее заметно в Финляндии, где таких изменений в анализируемый период (1960—1990 гг.) было больше всего, и оно ограничено вероятностью рождения второго или третьего ребенка.

5. Семейная политика — необходима, но не достаточна

Анализируя модели рождаемости в странах, существенно различающихся щедростью своих семейных программ, мы, естественно, предполагаем, что некоторое позитивное влияние должно быть. К сожалению, эту гипотезу легче сформулировать, нежели доказать. Как было показано, проведенные недавно исследования в Скандинавских странах отчасти ее подтверждают, хотя наблюдаемый эффект и не особенно велик. Однако, как демонстрирует шведский тренд 1990-х гг., щедрая семейная политика никак не является гарантом высокого уровня рождаемости. В начале 1990-х гг. Швеция пережила некоторый экономический спад, который повлек за собой резкий рост безработицы, особенно пострадали молодежь и люди с низким уровнем образования. Впервые пришлось прибегнуть и к сокращению объемов финансовой поддержки семьям. Вскоре последовал спад коэффициента суммарной рождаемости: от 2,1 ребенка в среднем на одну женщину в 1992 г. до 1,5 в 1997 г. В более позднем исследовании В. Хоэм выявляет, что спад рождаемости оказался особенно сильным среди молодых женщин и среди женщин с низким уровнем образования, т.е. тех же групп, которые наиболее пострадали на рынке труда [Hoem 2000]. Таким образом, экономические циклы и перспективы, несомненно, име-

ют большое влияние на рождаемость, и наблюдаемое негативное воздействие растущей безработицы, вероятно, является результатом как сократившихся возможностей заработка в текущий период, так и, что более важно, утраты чувства защищенности по поводу будущего⁶.

В целом проведенный анализ подтверждает точку зрения, высказанную в новогоднем обращении бывшего премьер-министра Норвегии г-на Й. Стольтенберга в 2001 г.: важными детерминантами рождаемости являются «качество» общества и уверенность населения по поводу будущего. Современные женщины образованы, выходят на рынок труда наравне с мужчинами и планируют наравне с мужчинами участвовать в жизни общества. Опираясь на опыт скандинавских стран, мы предполагаем, что дети останутся в планах и женщин, и мужчин, если общество будет готово принять на себя значительную часть ответственности и сопряженных издержек. Сюда входят как политика, которая позволит женщинам сочетать рождение детей и оплачиваемую занятость, так и меры, способствующие укреплению гендерного равенства и побуждающие мужчин участвовать в уходе за ребенком. Возможно, страны с низким уровнем рождаемости, где еще многое можно улучшить в данной области, более всего выиграют от реализации такой политики, особенно если одновременно им удастся создать стабильную экономику и сформировать у населения оптимистичный взгляд в будущее.

Выражения благодарности

Данная работа впервые была представлена на семинаре «Международные тенденции низкой рождаемости: тренды, теории, политика», который состоялся 21—23 марта 2001 г. в Токио. Я благодарю участников семинара за их комментарии и особенно Питера Макдональда за ценные замечания к более ранней версии работы. Отдельная благодарность моей коллеге Труде Лаппегард, которая поделилась многими дескриптивными данными, представленными в данной работе.

Литература

Andersson G. Childbearing Trends in Sweden 1961—1997 // *European Journal of Population.* 1999. Vol. 15. P. 1—24.

Berinde D. Pathways to a Third Child in Sweden // *European Journal of Population.* 1999. Vol. 15. P. 349—378.

Brandth B., Jensberg J. Suksess for Fedrekvoten [Success for the Father Quota] // *Velferd.* 1998. No. 4.

Ellingsæter A.L., Rønsen M. The Dual Strategy: Motherhood and the Work Contract in Scandinavia // *European Journal of Population.* 1996. Vol. 12. P. 239—260.

Gauthier A.H., Hatzius J. Family Benefits and Fertility: An Econometric Analysis // *Population Studies.* 1997. Vol. 51. P. 295—306.

⁶ Шведский тренд рождаемости также испытывает сильное влияние временного фактора. В 1980-х гг. «премиальные за скорость» побуждали к сокращению периода времени между рождением детей, что вело к повышению рождаемости. Где-то к 1990 г. эта тенденция приостановилась, что привело к уменьшению числа рождений второго, третьего и т.д. детей, и это совпадает по времени с началом общего экономического спада, который еще более снизит уровень рождаемости (см., например: [Andersson 1999]).

Hoem B. Alla Goda Ting er Tre? Tredjebarnsfödsalar Bland Svenska Kvinnor Födda 1938—1950 [All Good Things are Three? Third Births among Swedish women Born 1938—1950] // Stockholm University Research Reports in Demography. 1990. No. 59.

Hoem B. Lä rare Föder Flere Barn [Teachers Give Birth to More Children] // Välfärdbulletinen. 1994. No. 3. P. 17—19.

Hoem B. Utan Jobb — Inga Barn? Fruktbarhetsutvecklingen under 1990-tallet [Without Job — no Children? Fertility Trends During the 1990s] // SOU. 2000. Vol. 37.

Hoem J.M. Public Policy as the Fuel of Fertility // Acta Sociologica. 1993. Vol. 36. P. 19—31.

Kojima H. Determinants of Japanese Attitudes toward Fertility and Policy Interventions: A Comparative Analysis of the 1990/1995 IPP Surveys and JGSS-2000 // Paper presented at the 2001 Second Annual Meeting of the Population Association of Korea. December 1, 2001, Seoul, Korea.

Kravdal Ö. The Emergence of a Positive Relation between Education and Third Birth Rates in Norway with Supportive Evidence from the United States // Population Studies. 1992. Vol. 46. P. 459—475.

Kravdal Ö. How the Local Supply of Day-care Centers Influences Fertility in Norway: A Parity-specific Approach // Population Research and Policy Review. 1996. Vol. 15. P. 201—218.

Kravdal Ö. The High Fertility of College Educated Women in Norway: An Artefact of the Separate Modelling of Each Parity Transition // Demographic Research. 2001. Vol. 5. P. 185—216. <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol5/6>.

Kravdal Ö. An Illustration of the Problems Caused by Incomplete Education Histories in Fertility Analyses // Demographic Research. 2004. Special Collection 3. Art. 6. P. 133—154. <http://www.demographic-research.org/special/3>.

Lappegård T. Akademikere får også barn, bare senere [Academics also have children, only later] // Samfunnsspeilet 1999. Vol. 5. Statistics Norway.

Lappegård T. New Fertility Trends in Norway // Demographic Research. 2000. Vol. 2. <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol2/3>.

Lappegård T. Valg av tdanning — valg av livsløp? [Choice of education — choice of life course?] // Tidsskrift for samfunnsforskning. 2001. No. 3. P. 409—435.

Ministry of Children and Family Affairs. Barnehager mot år 2000 [Day-care centres towards year 2000] // Report to the Storting. 1988, No. 8 (1987—1988).

Ministry of Children and Family Affairs. Offentlige overføringer til barnefamilie [Public transfers to families with children] // NOU. 1996. No. 13.

Oláh L.Sz. The Impact of Public Policies on the Second-Birth Rates in Sweden: a Gender Perspective // Stockholm University Research Reports in Demography. 1996. No. 98.

Reppen H.K., Rønning E. Barnefamiliers tilsynsordninger, yrkesdeltakelse og bruk av kontantstøtte våren 1999 [Child care arrangements, labour force participation and the use of cash-for-care benefits in the spring, 1999] // Reports 1999/27, Statistics Norway. 1999.

Ronnen M. Market Work, Childcare and the Division of Household Labour. Adaptations of Norwegian Mothers before and after the Cash-for-care Reform // Statistics Norway. 2001. Vol. 13.

Rønsen M. Fertility and Public Policies Evidence from Norway and Finland // Demographic Research. 2004. Vol. 10. P. 141—170. <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol10/6>

Rønsen M., Sundström M. Family Policy and After-Birth Employment Among New Mothers — A Comparison of Finland, Norway and Sweden // European Journal of Population. Vol. 18. P. 121—152.

Stanfors M., Svensson L. Education, Career Opportunities and the Changing Patterns of Fertility: a Study on 20th Century Sweden // Paper presented at the Seminar on Women in the Labour Market in Changing Economies. 22—24 September, 1999. Rome, Italy.

Statistics Norway (1998): Ukens Statistikk (Weekly Statistics 45/98).

Statistics Norway (2003): www.ssb.no/English/subjects/04/02/10/barnehager_en/

Sørlie K. Fødselstallsutviklingen — etter nok et tiår [The Fertility Trend — After Another Decade] // Regionale trender. 2000. Vol. 2.

Takahashi S. Demographic investigation of the process of declining fertility in Japan // Paper presented at the IUSSP Seminar on International Perspectives on Low Fertility. 21—23 March, 2001. Tokyo, Japan.